

УДК 316.77:658.89

ББК 65.291.3

В.А. ШАЛАК

Доктор исторических наук, профессор
зав. каф. истории, экономических
и политических учений БГУЭП,
г. Иркутск

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК МЕТОД ОЧЕЛОВЕЧИВАНИЯ ИСТОРИИ

Аннотация: В статье проводится основная мысль о том, что историческое изучение человека и общества должно быть избавлено от сверхтеоретизированности посредством анализа чувственных качеств. Термин историческая психология в данном плане неоднозначен, и для понимания его сути нужно сотрудничество между историками и психологами

Ключевые слова: макроисторические исследования, междисциплинарный подход, ментальность, системы ценностей.

Исследовать события даже не так давно ушедших дней порой не менее сложно, чем те, которые от нас отделяют столетия. Относительно далекого прошлого данное суждение особых возражений не вызовет. Огромное количество фактов, которые бы стали предметом пристального внимания у современных историков, не изучены, поскольку сохранился минимум письменных источников, да и «материальных следов» не так уж много.

Применительно к процессам недавнего прошлого, внешне, ситуация иная. Возьмем в качестве примера период Великой Отечественной войны, проблемы которой являлись предметом научных интересов автора данной статьи. Сохранилась масса письменных документов, позволяющих достаточно точно реконструировать хронологию событий даже в рамках микроисторического исследования, имеется множество материальных источников. Вот только история изложения событий оказывается какой-то «не очеловеченной». Есть грандиозная панорама событий, серьезная документальная основа, цифры, расчеты, динамика и прочее. Только за абстрактными схемами не видно жизни отдельного человека, с его мыслями, переживаниями, чувствами. Нет того, что можно назвать «духом эпохи». Возможно, это покажется мелочью, но это такая мелочь, без которой все выводимые исторической наукой причинно-следственные связи можно поставить под сомнение. Марксистский историзм в «марксистско-ленинской» интерпретации наложил в свое время запрет на субъективное истолкование фак-

тов. Поэтому историческая реконструкция не доходила до структуры личности, типологий и классификаций психических процессов и свойств. Она останавливалась на обобщении представлений эпохи, выведенных из эмпирического материала в порядке реконструкции снизу, и продолжает таковой оставаться.

Современным исследованиям свойственны уже другие крайности.

Труды историков внешне безразличны к теории и доктрине. Материалистическое понимание исторических процессов многими, если не большинством, игнорируется. Исследователи располагают, порой, уникальными и достаточно полными данными, но интерпретируют их в своих работах по-разному. Субъективное восприятие истории, основанное на разных системах ценностей, самым серьезным образом влияет на конечные выводы исследователя. В этом смысле, чтобы понимать отображаемую хронику событий и процессов, нужно понимать и самого исследователя, то есть его ценностную ориентацию, проще говоря, идеологические предпочтения. Именно это обстоятельство имеет решающее значение для уяснения содержания отображаемых процессов. О Великой Отечественной войне в постсоветский период написано множество работ, но подбор исторических фактов, включаемых в свидетельство о прошлом, их интерпретации, например, в работах Резуна-Суворова разительно отличается от подобных аналитических исторических исследований В. Кожина.

Есть еще одна проблема, которая весьма основательно начинает влиять на результаты и выводы исторических исследований. Историк, изучая прошлое, из многообразного эмпирического материала отбирает наиболее значимые источники, имеющие отношение к определенному времени дат и периодизаций и таким образом организует материал. Историческое время дает возможность рассматривать, оценивать и даже корректировать ход «строительства» будущего. Трансляция невыборочной хроники жизни, без обобщений наиболее главных для понимания происходящих процессов фактов, без их соответствующей классификации будет мало что иметь с историческим исследованием, и вряд ли такие исследования можно ретроспективно накладывать на будущее. Нагромождая и перечисляя факты, мы ничего не поймем ни в прошлом, ни настоящее. Конечно же, отбор фактов может осуществляться только на определенной методологической основе, что, с одной стороны придает «субъективизм» историческим исследованиям, с другой, подобной интерпретацией и интересны исследования прошлого. Однако в последние годы, как уже отмечалось, историки все чаще отбрасывают методологический инструментарий, но для того, чтобы придать своим исследованиям более наукообразный и «современный» характер, начинают накладывать на многообразие невыборочного эмпирического материала математические формулы. Поэтому выводы в таких исследованиях приобретают самые фантастические окрасы, и если и дальше «сотрудничество» математики с историей будет развиваться в такой плоскости, на истории смело можно ставить крест. Больше всего историкам нужно сегодня опасаться поглощения подобным математизированным «знанием».

Избежать этих крайностей, найти «золотую середину» можно путем сложение эмпирической действительности и оценочных суждений таким образом, чтобы на выходе мы имели внятную картину, объясняющую процессы прошлого с учетом логики жизненных установок людей, изучаемой эпохи, а не только идеологических схем или математических формул. Человеческий облик должен быть спасен от свертотеоретизированности возвращением ему некоторых чувственных качеств. Чем дальше исследователь от понимания людей конкретной эпохи, тем дальше его выводы от того, чтобы их признавать объективными. А объективность, как известно, важнейший принцип любой научной дисциплины.

Адекватное и исчерпывающее знание какого-либо явления достигается лишь тогда, когда мы в состоянии воспроизвести это явление вместе с тем, что можно условно назвать «духом эпохи». Тогда наука может не

только предвидеть явление, но и открыть путь к собственному научному их использованию.

Наибольшую помощь в решении данной проблемы историкам может оказать только психология. Один из создателей школы «Анналов» Л. Февр утверждал, что для историка союз с психологией есть главный шанс на обновление его науки. «Сколько людей расстается с историей, жалуясь, что в ее морях, исследованных вдоль и поперек, больше нечего открывать. Советую им погрузиться во мрак Психологии, сцепившейся с историей: они вновь обретут вкус к исследованиям»*

Психологическое объяснение неизменно должно сопутствовать наукам о человеке и обществе. Используя методологический и методический инструментарий этой отрасли знаний можно интерпретировать эмпирическую действительность таким образом, чтобы она в максимальной степени была очеловечена и приближена к реальным условиям своего времени. Особенно большое значение это может иметь для понимания логики исторических процессов применительно к микроисторическим исследованиям. По большому счету проблема заключается в том, чтобы совместить психологическое время человека и историческое время человечества, обнаружить и вписать размерности индивидуальной жизни в макросоциальные процессы и свидетельства культуры. Чтобы утверждать о единстве сознания и поведения, требуется познать само сознание определенной эпохи, объяснить поведение и на основе этого ретроспективно интерпретировать результаты деятельности людей. Вопрос только в том, какие приемы, методики следует применить для изучения психики людей прошлого применительно к определенной ситуации. Эта проблема требует совместного обсуждения сообществом историков и психологов.

Историческая психология – это область взаимодействия исторической и психологической наук. В современном обществознании науки с названием «Историческая психология» нет, а есть исследования на стыке истории и психологии. И это при том, что термин «историческая психология» фигурирует в науке уже со второй половине XIX века. Однако, если мы обратимся к конкретным немногочисленным на сегодня исследованиям по исторической психологии то можно констатировать, что это важнейшая область междисциплинарного исследования далека от своего методологического и методического совершенства**. При многих верных посылах

* Февр, Л. Бои за историю. М., 1991. С. 109

** См., например, Гуревич А.Я. историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии. 1988.

в адрес исторической психологии, в этих работах все же речь идет не об исторической психологии, а истории психологии. Эти направления весьма существенно отличаются по своему содержанию. Можно согласиться с мнением В.А. Шкурагова, что история психологии есть «изучение психического склада отдельных исторических эпох, а так же изменений психики и личности человека в специальном культурном макровремени, именуемым историей»^{***}. Психология применительно к историческому исследованию (историческая психология) – это подход, помещающий психику и личность в связь времен. Какими были люди в прошлом «на самом деле»? Задачей исторической психологии является познание человека нашего прошлого, применительно к периоду исследования.

Исследуя современные процессы, историческая наука может воспользоваться материалами психологов, но не как выводами, а как одним из важнейших видов источников, представляемых другой отраслью знания. Историки будущего уже будут знать, чем закончилась эра реформ, например, в постсоветской России и можно будет оценить, насколько научными являлись выводы сделанные в рамках таких междисциплинарных исследований. История делает свои выводы только в ретроспективе, соотнося события и его последствия.

К прошлому применить такое знание намного сложнее, поскольку нельзя протестировать поколения людей, которых уже нет. Историки, изучающие, например, не такие уж далекие от нас годы Великой Отечественной войны, не могут воспользоваться данными социологических опросов, аналитических сводок психосоциальных анализов, которые накапливает сегодняшняя наука. Однако можно изучать психику человека и опосредованно. Вопрос опять же в том, какие должны при этом применяться методики и насколько глубоко понимают друг друга специалисты из различных отраслей знания, сотрудничающие в рамках обозначенного междисципли-

нарного подхода.

Представители уже упомянутой школы «Анналов» предложили свой подход к исследованию исторических событий, опираясь на междисциплинарный подход. Сначала – реконструкция повседневных условий существования и выведение иерархии биологических потребностей, физиологических основ темперамента, эмоций, затем определение видов деятельности, групповых отношений и социальных типов личности, наконец, на этой основе осуществить инвентаризацию познавательных инструментов, позволяющих представить синтетическую характеристику эпохи. С точки зрения школы «Анналов», коллективная эмоциональность кроется в условия повседневного существования: в питании, жилищных условиях, гигиене, физическом самочувствии. В совокупности это выступает в роли фундамента для воссоздания человеческой целостности.

Такой подход представляется не бесспорным, поскольку условия существования отнюдь не прямолинейно детерминируют потребности человека. Кроме биологических потребностей, есть и социальные, причем индивиды, у которых преобладают социальные потребности, определяют «ход истории», в противном случае, люди бы продолжали граничить с животным миром. Более того, изучение структуры потребностей применительно к Великой Отечественной войны наводит на мысль, что целенаправленное привитие социальных потребностей формировало тот тип советского общежития, который никак не может быть понятым ни европейским «цивилизаторам», ни современным российским либералам, оценивающих советскую историю 1940-х гг. через призму биологических потребностей «потребительского общества». Изучать историки должны не абстрактного человека, а представителя определенной цивилизации, культуры. Игнорируя цивилизационные аспекты, мы не поймем, почему при одних и тех же условиях быта индивиды в разных сообществах испытывают совершенно разные эмоции, различные мотивационные установки на трудовую деятельность и т.д.

Система образов, представлений (ментальность) лежат в основе человеческих представлений о мире и своем месте в мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей. Изучение этих не имеющих четких контуров и меняющихся с течением времени систем затруднительно, необходимые сведения приходится собирать по крохам и в разных источниках. Но все взаимоотношения внутри общества столь же непосредственно и закономерно зависят от подобной системы представлений, как и от экономических факторов. Из этого следует,

№1; Зубкова Е.Ю., Куприянов А.И. Ментальное измерение истории: поиски метода / Российская ментальность: методы и проблемы изучения. М., 1999; Белявский И.Г. Пронштейн А.П. Некоторые психологические аспекты отражения действительности в исторических источниках // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Серия Общественных наук. 1974. №1; Поршнева Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1966; Шкурагов В.А. Историческая психология на перекрестках человекознания // Одиссей. Человек в истории. М., 1991; Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. СПб., 2001 и др.

^{***} Шкурагов В.А. Историческая психология. – 2-е, переработанное издание. – М., 1997. С.15.

что невозможно всесторонне (более или менее полно) и в максимальной степени в соответствии с реальностью описать историю жизни людей, если мы не вникнем в «дух эпохи» и не будем учитывать цивилизационные различия.

На этом пути исследователи должны решить ряд принципиальных проблем. Решающим здесь является вопрос: является ли определяемое психическое атрибутом отдельного человека, группы людей, либо свойственно большинству индивидов, а следовательно, и обществу. В психологии акцент делается на содержательном изменении, в большей степени индивидуальной, психики, тогда как масштабы и ритмы индивидуальной и коллективной истории слишком различны. В исторической памяти нельзя сохранить и учесть судьбу каждого. Увидеть и понять процесс создания психокультурной ткани традиции в потоке исторической жизни нелегко. Парадокс научной психологии еще и в том, что чем более она приближается к науке, тем менее она - о человеке. Целью же историко-психологической реконструкции является складывание из мозаики фактического материала, разрозненных психологических признаков, социологических норм, профессиональных установок картины коллективной психологии изучаемой эпохи.

Применительно к периоду Великой Отечественной войны историки уже давно осуществляют подобные поиски, изучают людей этой эпохи, ищут в установках поведения, системах ценностей сходства, позволяющие определить контекст исследуемой эпохи, установки поведения, сходство в системах ценностей****. Можно предположить, что наиболее актуальным в этом смысле является исследование человеческой природы в состоянии конфликта, в особых обстоятельствах. В таких ситуациях открывается нечто такое, что позволяет по-

нять глубинные сущностные черты ментальности не абстрактного человека, а человека, - представителя определенной культуры, цивилизационные аспекты. В совокупности речь идет об определении конкретного типа общественной психологии. Все чаще в исторических исследованиях используются такие понятия как ментальность, психология группы, культурная модель. В вышеупомянутых работах историков присутствует глубокий обзор источников, букет подобранных цитат и примеров. Но в этих письменных источниках нужно услышать подтекст, не социальные и политические отношения, а «жизнь», некий символический спектакль. Вопрос здесь в том, насколько в структуре подобных исторических работ научно представлена психология. Огромное поле междисциплинарных историко-психологических проблем на сегодня не имеет внятного инструментария исследования. Избежать ошибок на этом пути, сведения психологических зарисовок до уровня публицистического литературного жанра должны помочь психологи. Только совместная работа в этой области историков, психологов, социологов способна породить определенную теоретическую экспозицию, позволяющую конструировать смысловые структуры ушедшей эпохи. Важно при этом определиться с тем, что можно извлечь из понятия индивидуального и как воспринимать, слушать человека прошлого не с установок человека XXI века, а так как его слушали и воспринимали применительно к исследуемому периоду. В этом смысле историческая психология должна установить новые формы сотрудничества между историками и психологами. Причем такой подход должен не просто доукомплектовывать наш умственный багаж сведениями по истории, психологии, он очеловечивает крайне специализированные науки, то есть возвращает их к целостному носителю познания. Этот носитель – реальная личность, которая существует в повседневных условиях, с универсальным человеческим опытом – бытом, в своей стране, в своей культурной традиции. Возросший интерес общества к своему прошлому, во многом смена его мировоззрения, методологическая трансформация гуманитарного знания способны только придать новые импульсы развития этой пограничной области исследования. Сегодня остро ощущается потребность в специализированном издании, где бы специалисты могли поделиться своими соображениями на предмет подобного сотрудничества. Совместная работа психологов и историков в этом направлении способна привести к ощутимым результатам уже в ближайшее время.

**** Сенявская Е.С. 1941-1945 гг. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995; Ее же. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997; Орешкин Б., Рубцов А. Сталинизм: идеология и сознание // Осмыслить культ Сталина. М., 1989; Поляков Ю.А. Почему мы победили? О массовом сознании в годы войны // Свободная мысль. 1994. №11; Козлов Н.Д. С волей к победе. Пропаганда и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2002; Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне 1941-1945 гг. М, 2000; Козлов Н.Д. Морально-политические и психологические предпосылки Победы // Великая Отечественная война: правды и вымысел. Вып.4: Сб. статей. СПб., 2007; Сомов В.А. Потому что была война...: Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). Н.Новгород, 2008. и др.